

М. В. Стурова

**Этноконфессиональная коммуникация в Алтайском регионе:
историческая память как фактор давления**

Исследование этноконфессионального пространства Алтайского региона связано с вопросами, касающимися практики установления и налаживания диалога между философско-мировоззренческими традициями. Несомненно, определяющим контекст межконфессионального взаимодействия народов является степень «совместимости» религиозных учений каждого из этносов. Однако не меньшей значимостью для проведения всестороннего анализа современных отношений обладает и исторический опыт общения, который унаследовали представители христианского вероучения, мусульманства, шаманизма и бурханизма. И одним из серьёзнейших препятствий, затрудняющих установление диалога между субъектами культурного взаимодействия, является фактор давления исторической памяти.

В научном сообществе признаётся воздействие унаследованного стиля общения на развитие современного диалога в триаде «алтайцы – казахи – русские», но влияние данной детерминанты, на наш взгляд, представляется недооценённым, что в свою очередь, нашло отражение в полярности мнений в исследовательском дискурсе. Так, одно из направлений в научном сообществе делает акцент на позитивный исторический опыт совместного проживания на одной территории представителей различных идейно – мировоззренческих систем, будучи убеждёнными в том, что «объективно сложились благоприятные условия для консолидации усилий по разрешению проблем межконфессиональных отношений»¹. Относительно существования духовно-идеологической стабильности и терпимости на территории Алтая высказывают уверенность исследователи М.М. Волобуева, Н.В. Расова, отмечая факт отсутствия конфликтов на религиозной почве².

Стурова Мария Викторовна, магистрант Алтайского государственного университета.
Эл. почта: orient@hist.asu.ru

¹ *Екеева Н.М.* Современная этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2004. С. 90.

² *Волобуева М.М.* Конфессиональное пространство Алтайского края: историко-религиоведческий анализ // Сибирский социологический вестник. 2002. № 2. С. 150–158; *Она же.* Экстремизм и терроризм в этноконфессиональной среде. Барнаул, 2006; *Расова Н.В.* Мировоззренческие проблемы взаимоотношений религиозных систем в Горном Алтае // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2004. С. 78–87.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается Н.С. Модоров¹, не отрицает существования определённых форм экстремизма и М.М. Волобуева, открыто заявляя о наличии в Алтайском регионе «потенциала проявления экстремизма» на основе взаимного неприятия религий населяющими территорию народами². Солидарна с вышеупомянутой группой исследователей и Р.А. Кушнерик, высказывающая мнение о существовании угрозы «сильного противостояния на религиозной основе как конфессиональной системы – бурханизма, так и межконфессиональной – православия и бурханизма»³.

Примиришь кардинально противоположные позиции позволяет обращение к исследованиям О.В. Боронина. Изучая проблемы, связанные с эволюцией восприятия этносами друг друга, сосредоточивая внимание на вопросах возникновения межнациональных конфликтов между алтайцами, казахами, русскими, он высказывает мнение о том, что в настоящее время уровень развития межэтнических взаимоотношений «имеет в основном положительную динамику»⁴. Однако, по замечанию автора, взаимная комплиментарность может быть разрушена возникшими вследствие непродуманной национальной политики межэтническими конфликтами.

В целом, несмотря на представленное в научном сообществе многообразие подходов, вариантов интерпретации ситуации в Алтайском регионе на современном этапе, влияние исторической памяти, как ключевой детерминанты, определяющей направление диалога в триаде «алтайцы – казахи – русские» представляется не достаточно изученным. Безусловно, не подвергается сомнению тщательность анализа этноконфессионального пространства, результаты которого изложили в своих работах И.В. Октябрьская⁵, Ю.А. Лысенко, Н.М. Екеева, М.М. Волобуева, Н.В. Расова, Р.А. Кушнерик, однако не сделано попытки комплексного рассмотрения проблемы наследования субъектами межцивилизационного диалога исторически сложившегося стиля общения. Следовательно, целесообразным считается рассмотреть проблему формирования стиля общения, его влияние на современную практику построения диалога; также, воспользовавшись данными исторической практики этноконфессионального взаимодействия,

---

¹ Н.С. Модоров аргументирует позицию, обращая внимание на противоборство двух тенденций: рост национального самосознания и проявление межэтнического противостояния, вследствие чего возникает «чувство извращённой этнической солидарности». См.: *Модоров Н.С.* Проблемы толерантности и сотрудничества народов (на примере Горного Алтая) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. Барнаул, 2004. С. 151–160. О росте национального самосознания алтайского этноса см.: *Филатов С.Б.* Алтайский бурханизм // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб., 2002. С. 233–246.

² *Волобуева М.М.* Экстремизм и терроризм в этноконфессиональной среде... С. 96–99.

³ *Кушнерик Р.А.* Этноконфессиональная ситуация в Республике Алтай (по материалам полевых исследований 2004 г.) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. Барнаул, 2004. С. 148.

⁴ *Боронин О.В.* Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России: история и современные проблемы. Барнаул, 2004. С. 36.

⁵ *Октябрьская И.В.* Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2002. С. 205–207.

обратиться к опыту построения диалога, запечатлённого в исторической памяти триады этносов «алтайцы – русские – казахи», выявить особенности каждой линии диалога.

В межконфессиональных взаимоотношениях между алтайцами и русскими ключевую роль сыграла практика христианизации русской православной церковью населения Алтайского региона; методика проповеднической деятельности, ответные действия этноса – оппонента религиозного взаимодействия определили принципы построения диалога. Периодом, определившим судьбу православной церкви в инородческой среде стал рубеж XIX–XX вв., когда произошло обострение взаимоотношений между русской православной церковью и местным населением.

Проявлению скрытого недовольства способствовала проповедническая тактика возглавлявшего Алтайскую духовную миссию Макария Невского, делавшего ставку на более решительные меры, подразумевавшие активное, нивелирующее национальные особенности, внедрение «веры праведной» в языческую среду. Недовольство усиливалось нерешённостью земельного вопроса ¹: в результате аграрной реформы на Алтай началось массовое переселение крестьян. Следует отметить и изменения на идейно-мировоззренческом уровне, создавшие основу для кардинальных изменений – появления бурханизма. Созданный вакуум заполнило учение о Белом Бурхане, последователи которого активизировали свою деятельность с 1904 г. (поскольку вместе с опубликованием манифеста «О свободе совести» проводилась правовая основа проповеднической практики ярлыгчи) ². Кульминационной точкой, разрешившей нараставшее противостояние, стала расправа российской администрации над инородцами в долине Теренг в 1904 г. ³ Следствием такой политики «насильственного умиротворения» стало неприязненное отношение к православному русскоязычному населению, а также утрата веры в православие вновь обрётённой инородческой паствой ⁴. Таким образом, к началу XX в. идеологический аспект противостояния обозначился более

---

¹ *Документы по истории церквей и исповеданий в Алтайском крае (XVII– начало XX вв.)*. Барнаул, 1997. С. 346.

² Так, Ю.А. Лысенко в исследовании вопроса об этноконфессиональной ситуации на Алтае на рубеже XIX–XX вв., приводит цитату А.В. Анохина, пишет: «После обнаружения этого документа «среди ойротцев нарастает враждебное отношение к христианству или русской вере», алтайские племена почти во всех станах Алтайской миссии стали возвращаться к традиционным верованиям». См. подробнее: *Лысенко Ю.А.* Этноконфессиональная ситуация на Алтае на рубеже XIX–XX вв. // *Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий*. Барнаул, 2007. С. 501.

³ Очевидец событий М. Соболев сообщает: «Среди русского населения пошла молва о сборищах калмыков и их воинственном настроении, слухи эти приняли невероятные размеры, передавались из уст в уста со всевозможными искажениями и преувеличениями. Нашлись люди, которые слышали своими ушами, что калмыки похвалялись истребить всех русских; скупали, будто бы, в лавках всю наличность свинца и пороха» (*Документы по истории церквей и исповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX вв.)*. С. 352).

⁴ «Новокрещенные инородцы Абайского прихода есть христиане только по имени. Долгое время, живя вдали от миссионеров, они мало-помалу отвыкли от исполнения христианских правил <...>. Теперь среди них мало находится желающих посещать храмы Божии» (*Документы по истории церквей*. С. 356).

отчётливо: скрытое недовольство и неприязнь к русским христианам препятствовали конструктивному взаимодействию в контексте межрелигиозной коммуникации.

В случае же религиозного взаимодействия по линии диалога «алтайцы – казахи», значимыми оказались не столько открытые конфликты мировоззренческих систем, а запечатлённые в исторической памяти коренного народа набеги, грабежи, совершаемые казаками на протяжении XVIII – начала XX вв. Комплексно изучивший вопросы, связанные с взаимоотношениями алтайцев и казахов, исследователь О.В. Боронин выделяет в качестве отправной точки 50-е гг. XVIII в.: воспользовавшись ослаблением в результате цинской агрессии в отношении Джунгарского ханства, казахские отряды начали осуществлять грабительские набеги на кочевья алтайцев¹. Особой жестокостью отличался казахский старшина Кошкарбай: в 1759 г. он вместе с войском «числом <...> тысячи с две» приходил «якоб для сыску урянкайцев, и возвратясь обратно, живущих на той речке Семе Таутелеутской волости ясачных татар семнадцать кибиток разбили и тех со скотом и экипажем увезли»². Не произошло качественно новых изменений в принципах взаимодействия и в XIX в. Однако теперь насилие сопровождалось и усиливалось миграционным давлением казахов, начавших планомерно заселять территорию Алтайского региона с 30-х гг. XIX в.³ Тремя десятилетиями позднее кочевники стали прибегать к своеобразной тактике: дабы получить «законное право» занимать эти земли, казахи принимали православие. Так, в 1866 г. группа казахов закрепилась в Чёрно-Ануйском стане Алтайской духовной миссии. Используя свой статус христиан-неофитов, казахи постепенно стали занимать территорию хозяйствования коренного населения. Приобщившись к христианству, кочевники приобрели «иммунитет», позволявший осуществлять более решительные действия в отношении алтайцев: одним из методов ведения борьбы за ресурсы были сопровождавшие волны миграции грабительские набеги. До начала XX в. казахи продолжали прибегать к насилию, захватывая и разоряя кочевья коренного населения, обостряя обстановку в контексте межэтнических отношений. Значимость производившихся на протяжении веков актов насилия заключается в их способности формировать этнические стереотипы, закладывая на подсознательном уровне основу негативного восприятия⁴, препятствующего выработке взаимного толерантного отношения на современном этапе.

В религиозном взаимодействии между русскими и казаками именно религиозная политика российской администрации в решении «мусульманского вопроса» определила идеологическую основу и принципы взаимодействия между магометанами и христианами на современном этапе. «Мусульманский вопрос» в пределах Южно-

¹ Боронин О.В. Межэтнические взаимоотношения ... С. 68.

² Цит. по: Моисеев В.А. «Урянхайский вопрос» в русско-китайско-казахских отношениях (конец 50-х – начало 60-х гг. XVIII в.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 380.

³ Боронин О.В. Из истории взаимоотношений алтайцев и казахов в XIX – начале XX вв.: истоки современного восприятия казахов алтайцами // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 41.

⁴ К примеру, в народной памяти алтайцев сохранились воспоминания о казахских набегах 1758 – 60-х гг.: историческая память находит проявление в преданиях о батыре Кошкарбае, его набегах на алтайские айлы, грабежах и уводе алтайцев в неволю (Боронин О.В. Межэтнические взаимоотношения... С. 70).

Сибирского региона обозначил свою актуальность ещё в XVIII в., когда в Кулундинскую, Барабинскую степи, на запад Бельгагачской степи мигрировали племена казахов-кочевников¹. Стремлением установить контакты для развития торговых связей, а также намерением укрепить государственные позиции в данном регионе было обусловлено лояльное отношение русской администрации к исламскому вероучению. Толерантность и содействие мусульманам нашло своё отражение в государственной политике: в 1756 г. Сенатом был обнаружен указ о «...допущении татар магометанского закона в сибирских губерниях к постройке мечетей»². Однако с изменениями исторической конъюнктуры событий, происходящих на южной, юго-западной границе империи, наблюдается и изменение в тактике инкорпорирования иноверцев в имперский организм. Намереваясь упрочить позиции России в Средней Азии, администрация пыталась предотвратить усиление интеграционных процессов в мусульманском обществе. Способом «приращения» инородческого элемента стала практика христианизации степной зоны Алтайского региона. Своёобразием «центром противостояния» мусульманскому миру в Алтайском регионе становится Чёрно-Ануйское отделение миссии, образованное в 1844–1848 гг. Руководствуясь принципами целесообразности проводимой политики инкорпорирования мусульманской общины в поликонфессиональное общество региона, православная церковь предпринимает более решительные меры, связанные с ограничением распространения ислама среди казахов. Так, с начала 90-х гг. XIX в. стали реализовываться намерения о выселении с территории Томской епархии «персидских и турецких подданных», занимавшихся пропагандой ислама³, а также казахов, отказывавшихся принять православие. Следующим шагом предполагалось сократить число паломников в Мекку, а также количество обучающихся в мусульманских религиозных учреждениях Казани и Туркестанского края. В продолжение политики воспитания молодого поколения, лояльного православной церкви, миссионеры организовывали церковно-приходские школы, в которых предусматривалось совместное обучение русских и казахских детей. Однако следование обозначенным тактическим приёмам оказалось недостаточно эффективным для обретения истинно верной православной паствы. В результате миссионеры столкнулись с таким необычным явлением, как «симбиоз» нескольких вероучений: казах-неофит сочетал в своей мировоззренческой картине одновременно и православие, и язычество, и ислам. В совокупности непродуманная стратегия, выразившаяся в непоследовательности предпринимаемых российскими властями шагов, активизировала механизм самосохранения, проявившийся на рубеже XX–XXI вв. в замкнутости казахов.

Итак, исследовав опыт культурно-цивилизационного общения, мы выявили существование следующих типов межконфессиональной коммуникации. Касательно линии диалога «алтайцы – русские», следует отметить значимость «насильственной» христианизации населения Алтайского региона; обращаясь к взаимодействующим субъектам алтайцам и казахам, подчеркнём – определяющую роль в данном случае сыграли конфликты экономико-политического характера. В межрелигиозном общении между казахами и русскими решающей оказалась политика жёстких мер в отношении

---

¹ *Волбуева М.М.* Конфессиональное пространство ... С. 152.

² Там же.

³ *Лысенко Ю.А.* Этноконфессиональная ситуация на Алтае на рубеже XIX–XX вв. С. 501.

кочевников, направленная на «благоустройство» (обращение в христианство). Безусловно, историческая память запечатлела стиль общения, действующими лицами которого являются, с одной стороны, титульная нация, которая, – не проявив деликатности в выборе методов, – предпочла радикальный путь решения проблемы, пытаясь унифицировать религиозную карту региона; с другой стороны, оппоненты, поведение которых обусловлено стремлением сохранить один из важнейших маркеров самоидентификации – религию. Подобная дисгармония на современном этапе служит причиной индифферентного отношения к установлению диалога, нацеленного на приобретение положительного опыта общения.